

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2026.28.85.004

Цифровой субъект как пре-актуализация: онтологический анализ в перспективе алгоритмической правительности

Тихонов Олег Викторович

Кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры общей философии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 35;
e-mail: hlgw23@gmail.com

Вавилов Павел Сергеевич

Кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры социальной философии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 35;
e-mail: pasvavilov@kpfu.ru

Аннотация

Статья посвящена онтологическому анализу феномена цифрового субъекта, возникающего в условиях тотальной датафикации повседневной жизни. Опираясь на концептуальный аппарат Мишеля Фуко (власть-знание, технологии субъективации) и гибридный подход к человеку и технике (Л. Флориди, С. Доррестейн, О. Горюнова), автор рассматривает цифрового субъекта как продукт специфического режима управления — алгоритмической правительности (А. Рувруа, Т. Бернс). В работе показано, что цифровой субъект не является ни репрезентацией живого человека, ни симулякром в бодрийеровском смысле. Через последовательную критику репрезентационизма и концепции симулякра обосновывается тезис о том, что онтологический статус цифрового субъекта точнее всего схватывается через модус «как если бы» и операцию пре-актуализации: это действенная абстракция, которая не отражает настоящее, а пред-определяет и замыкает будущее, нейтрализуя разрыв между возможным и вероятным. В результате делается вывод о фундаментальном онтологическом расщеплении человеческого бытия в цифровую эпоху — сосуществовании живого, интенционального субъекта и его цифрового тела, обладающего реальной агентностью и всё чаще опережающего своего «носителя».

Для цитирования в научных исследованиях

Тихонов О.В., Вавилов П.С. Цифровой субъект как пре-актуализация: онтологический анализ в перспективе алгоритмической правительности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 2А. С. 133-142. DOI: 10.34670/AR.2026.28.85.004

Ключевые слова

Цифровой субъект, алгоритмическая правительность, гибридная онтология, власть-знание, расщепление субъекта.

Введение

Современная философская мысль всё чаще обращается к вопросу, который Мишель Фуко в своём эссе «Субъект и власть» сформулировал как центральную задачу критического анализа: «Что происходит в этот момент? Что происходит с нами? Каков этот мир, этот период, это время, в которое мы живём?» Или — в другой формулировке: «Кто мы?» [Фуко, 2006, 173]. Этот вопрос, поставленный Иммануилом Кантом в эпоху Просвещения как вопрос о настоящем и о нас самих в этом настоящем, обретает сегодня новую, беспрецедентную остроту. Причина этого в глубокой трансформации самих условий человеческого существования, вызванных тотальной цифровизацией повседневной жизни. Происходящая на наших глазах «цифровая революция» фундаментально перестраивает способы производства знания и осуществления управления. Однако за этими социальными и экономическими сдвигами скрывается более глубокий, онтологический слой изменений. Информационно-коммуникационные технологии, движимые «большими данными» (big-data), перестают быть просто инструментами, которые человек использует по своему усмотрению. Они превращаются, по выражению Лучано Флориди и его коллег, в «силы окружающей среды, которые все больше влияют на: 1. наше самовосприятие (кто мы есть); 2. наше взаимодействие друг с другом (как мы общаемся); 3. наше представление о реальности (наша метафизика); и 4. наше взаимодействие с реальностью (наша субъектность)» [Floridi, 2015, 7].

В этом контексте традиционное, унаследованное от модерна картезианско-гуманистическое понимание субъекта как суверенного, самопрозрачного и конституирующего агента, предшествующего всякому опыту и воздействию, оказывается несостоятельным. Традиционная гуманистическая концепция конституирующего (суверенного) субъекта впервые появляется в философском дискурсе на заре современности, когда Иммануил Кант описывает знаменитое понятие *cogito* Рене Декарта [Декарт, 2020, 108-109], используя термин *Das Subjekt* в «Критике чистого разума» [Кант, 1999, 320]. Это философское понимание человека как конституирующего, суверенного субъекта вскоре закрепляется в большинстве либеральных аппаратов, дискурсов, институтов и различных социально-политических практик и ритуалов Западной современности. Флориди с соавторами провозглашают: «Game over for Modernity», вместо субъекта, противостоящего миру объектов и инструментов, мы сталкиваемся с возникновением новой, гибридной формы существования, в которой человеческое и технологическое оказываются неразрывно переплетены [Floridi, 2015, 8-9]. Одним из наиболее философски значимых проявлений этой гибридной онтологии становится феномен «цифрового субъекта» (digital subject).

Цель данной статьи — провести онтологический анализ природы цифрового субъекта. Чем является цифровой субъект? Какова его онтологическая структура, способ возникновения и, что особенно важно, способ существования? Каким образом появление этой новой сущности (не просто отражения или копии, но активного агента, воздействующего на живого человека) трансформирует наше понимание того, «что мы есть» в настоящий исторический момент?

Субъект как эффект власти-знания: методологическая оптика Мишеля Фуко

Для ответа на эти вопросы мы будем опираться на философский инструментарий Мишеля Фуко. В отличие от картезианского *cogito*, которое полагается, как универсальная и внеисторическая данность, субъект у Фуко всегда исторически и социально обусловлен. Иными словами, человеческие существа становятся субъектами через исторически специфичные «режимы объективации» [Фуко, 1999, 161]. Что означает это «становление» через объективацию? Фуко радикально деконструирует классическую оппозицию субъекта и объекта. Для него субъект не противостоит объекту как активное, познающее начало пассивной, познаваемой вещи. Напротив, субъект сам является продуктом объективирующих процедур, которые одновременно делают его и объектом познания, и мишенью для властного воздействия [Фуко, 1999, 168]. В работе «Надзирать и наказывать» Фуко подробно анализирует один из наиболее репрезентативных примеров такой объективации — экзамен. «Экзамен сочетает техники надзирающей иерархии и нормализующей санкции. Экзамен – нормализующий взгляд, надзор, позволяющий квалифицировать, классифицировать и наказывать. Он делает индивидов видимыми, благодаря чему их можно дифференцировать и наказывать» [Фуко, 2010, 120]. Индивид одновременно конституируется как объект для определённой отрасли знания и как точка приложения для определённой отрасли власти. Этот процесс, как подчёркивает Фуко, не является внешним по отношению к индивиду; он формирует саму его индивидуальность, его способы понимать себя и действовать [Фуко, 1999, 125].

Понятие «власть-знание» (*puissance-savoir*) является здесь центральным. «Скорее, надо признать, что власть производит знание (и не просто потому, что поощряет его, ибо оно ей служит, или применяет его, поскольку оно полезно); что власть и знание непосредственно предполагают друг друга; что нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношений власти» [Фуко, 1999, 21]. Власть и знание, утверждает Фуко, напрямую предполагают друг друга: нет властного отношения без коррелятивного конституирования поля знания, равно как нет знания, которое не предполагало бы и не конституировало бы одновременно властных отношений. «На самом деле, власть производит. Она производит реальность; она производит области объектов и ритуалы истины. Индивид и знание, которое можно получить об индивиде, принадлежат к ее продукции» [Фуко, 1999, 126]. Следовательно, субъект — это не предпосылка, а эффект и одновременно инструмент власти-знания.

Исключительно важно для наших целей отметить, что эти объективирующие практики носят технический характер. По словам Пола Паттона, Фуко использует слова «технология» и «техника» в сочетании с группой слов, связанных с широким значением слова «*technē*», причем каждое из них, в соответствии с греческим значением, обозначает «искусство, ремесло или умение, задействованные при целенаправленном производстве чего-либо» [Patton, 2014, 503]. В своих работах, Фуко выделяет две основные технологии современной власти: «дисциплина» и «биополитика». В то время как дисциплинарная технология воздействует на «покорное» тело индивида посредством дисциплинарных практик и процедур [Фуко, 1999, 88] биополитика управляет на уровне населения, воздействуя на жизненные процессы и опасности, которые могут в них содержаться [Фуко, 2010, 213]. Последняя технология функционирует как биовласть посредством административных аппаратов и методов регулирования [Фуко, 2005, 264]. Обе технологии в определённых отношениях основаны на статистических или

теоретических знаниях и разделяют структурный элемент нормы. Интернализация нормативных конструкций представляет собой то, как процессы нормализации субъективируют индивидов [Фуко, 1999, 120]. Иными словами, эти технологии власти, действующие на основе и посредством принципа нормы, рассматриваются Фуко как всегда остающиеся зависимыми от интернализации или принятия (послушания) субъектом этой нормы.

Гибридная онтология: технология как среда существования

Традиционные подходы к осмыслению отношений человека и технологии, характерные как для гуманистической философии, так и для многих направлений критической теории, исходят из допущения фундаментальной онтологической разделенности этих двух сфер. Будь то инструменталистская трактовка технологии как нейтрального средства, полностью подконтрольного человеческой воле и разуму, или алармистская риторика об угрозе, которую автономизировавшаяся техника представляет для человеческой субъектности. Обе эти позиции, как отмечает Стивен Доррестейн, разделяют общую предпосылку о существовании независимой «человеческой» сферы, которая может либо использовать, либо подвергаться опасности со стороны внешней ей «технологической» сферы [9, p. 224]. Такой взгляд не только концептуально устарел, но и практически несостоятелен в условиях, когда цифровые технологии пронизывают все уровни повседневного существования человека, от физической мобильности до когнитивных процессов и эмоциональной сферы жизни.

Альтернативой этому устаревшему дуализму выступает гибридный подход (*hybridity approach*) к пониманию человеко-технологических отношений. Согласно этому подходу, «...человеческое существование всегда и неизбежно отмечено технологиями и находится под их влиянием» [Dorrestijn, 2012, 226]. Технологии не являются просто внешними инструментами, которые человек берёт в руки и затем откладывает в сторону; они активно участвуют в конституировании нашего восприятия, опыта, действий и, в конечном счёте, самой нашей субъектности. Как пишет Ольга Горюнова, «цифровая гибридность есть *de facto* модус современного существования» [Gorionova, 2019, 126]. Субъективность сегодня формируется в структурном сопряжении с вычислительной средой, и в этом смысле все субъекты являются в той или иной степени цифровыми.

Цифровой субъект не является ни естественной данностью, ни простым технологическим артефактом; он производится специфическими практиками обработки данных, которые в совокупности образуют то, что Антуанетта Рувруа и Томас Бернс обозначили термином «алгоритмическая правительность» (*algorithmic governmentality*) [Rouvroy, Thomas, 2013]. Именно в этом концепте схватывается принципиальное отличие современных модусов объективации от тех дисциплинарных техник, которые анализировал Фуко. Понятие алгоритмической правительности описывает новый режим осуществления власти и производства знания, основанный на автоматизированной обработке колоссальных объёмов цифровых данных. Рувруа и Бернс выделяют три основные стадии этого процесса, каждая из которых вносит свой вклад в конституирование цифрового субъекта: (1) накопление данных (*data warehousing*), (2) интеллектуальный анализ данных (*datamining*) и (3) профилирование или применение превентивного интеллекта (*profiling / pre-emptive intelligence*) [Rouvroy, Burns, 2013].

Исходным материалом для производства цифрового субъекта выступают так называемые «сырые данные» (*raw data*). Они представляют собой элементарные единицы информации,

генерируемые бесчисленными цифровыми устройствами и сенсорами, которые сопровождают нашу повседневную жизнь: транзакции по банковским картам, геолокационные метки смартфонов, логи поисковых запросов, взаимодействия в социальных сетях, показатели носимых устройств и многое другое. Принципиально важной характеристикой этой первой стадии является то, что данные собираются не селективно, в соответствии с заранее определённой целью, а экстенсивно и индискриминационно. Как отмечают Рувруа и Бернс, сохраняются «не только непосредственно полезные данные, но и данные, полезность которых истекла, а также данные, обладающие лишь потенциальной полезностью» [Rouvroy, Burns, 2013]. Эта логика тотального удержания радикально отличается от дисциплинарных практик учёта, где фиксации подлежали лишь определённые, релевантные с точки зрения нормы параметры (успеваемость, поведение, здоровье) [5, с. 120].

Однако наиболее значимым с онтологической точки зрения является то, что происходит с данными в процессе их накопления и подготовки к анализу. Чтобы стать пригодными для алгоритмической обработки, данные должны быть «очищены» (cleansed) от всякой связи с контекстом своего возникновения и от любого присущего им значения. Рувруа и Бернс подчёркивают: сырые данные — это «сигналы, очищенные от какого-либо внутреннего смысла» [Rouvroy, Burns, 2013]. Бит информации о том, что пользователь кликнул на определённую ссылку, изымается из нарративной рамки его намерений, эмоционального состояния, биографических обстоятельств. Он редуцируется к чистой фактичности, к числовому сигналу, единственная ценность которого заключается в его потенциальной корреляции с другими такими же сигналами. Эта процедура очищения от смысла и контекста имеет фундаментальные онтологические последствия: она осуществляет первичную десубъективацию живого опыта, превращая его в сырьё для последующего конструирования новой, цифровой субъектности.

Вторая стадия алгоритмической правительности — это собственно интеллектуальный анализ данных, или датамайнинг (datamining). На этом этапе в дело вступают мощные вычислительные алгоритмы, включая технологии машинного обучения и нейронные сети, которые осуществляют автоматизированную обработку накопленных массивов сырых данных. Цель этой обработки состоит не в проверке заранее сформулированных гипотез (как в традиционной статистике), а в обнаружении скрытых корреляций и паттернов непосредственно в самих данных. Алгоритмы машинного обучения, как поясняют Рувруа и Бернс, «способны не только идентифицировать тонкие корреляции в данных, о которых человек даже не подозревает, но также учатся и адаптируются на основе обратной связи, поступающей в реальном времени» [Rouvroy, Burns, 2013].

Этот способ производства знания радикально отличается от того, что Фуко описывал как «власть-знание» в дисциплинарных обществах. Дисциплинарное знание (например, медицина, психиатрия, криминология) всегда было дискурсивно опосредовано: оно формулировалось в терминах причин, норм, отклонений и требовало от субъекта признания, исповеди, свидетельства. Напротив, знание, производимое датамайнингом, Рувруа и Бернс характеризуют как «поведенческие данные» (data behaviourism) [Rouvroy, Burns, 2013]. Это знание, которое, как считается, возникает спонтанно из самой «реальности», зафиксированной в цифровых следах, минуя человеческую интерпретацию, гипотезы и нарративы. «Не рассматриваются ни психологические мотивации субъекта, ни его речь, ни нарративы, полагаются только на данные» [Rouvroy, Burns, 2013]. Эпистемологическая претензия поведенческих данных на «чистую объективность» имеет важнейшие онтологические импликации. Субъект здесь не просто объективируется (как в дисциплинарной экспертизе), но его субъективность (его

интенции, желания, самоинтерпретации) методологически элиминируется как нерелевантный или даже помехообразующий фактор. Корреляции, выявляемые алгоритмами, не нуждаются в верификации через обращение к сознанию или самопониманию живого человека. Они валидны сами по себе, в силу своей статистической значимости. Таким образом, на второй стадии алгоритмической правительности закладывается основа для возникновения новой сущности — цифрового профиля [Rouvroy, Burns, 2013], который не является ни отражением, ни репрезентацией живого субъекта, но представляет собой самостоятельную, операциональную конструкцию.

Третья, финальная стадия алгоритмической правительности заключается в применении полученного корреляционного знания для превентивного воздействия на поведение индивидов. Именно здесь корреляционные паттерны обретают форму того, что Ольга Горюнова называет «цифровым субъектом» (digital subject). Она определяет цифрового субъекта как «абстрактную позицию, перформанс, сконструированную персону из данных, профилей и других записей и агрегатов» [10, p. 127]. Это динамический, постоянно обновляющийся в реальном времени конструкт, который собирается из множества гетерогенных цифровых следов и существует как вероятностная модель.

Превентивная логика: цифровой субъект как предсказание

Ключевой онтологической характеристикой цифрового субъекта является его вероятностный и превентивный характер. В отличие от дисциплинарного «случая», который фиксировал прошлое и настоящее индивида (его проступки, симптомы, успехи), цифровой субъект ориентирован на будущее. Он представляет собой не столько описание того, кем индивид является, сколько предсказание того, что он, с определённой долей вероятности, совершит, захочет или почувствует. Как пишут Рувруа и Бернс, алгоритмическая правительность стремится «воздействовать на поведение не через запрет или обязывание, а через предупреждение», модифицируя информационную или физическую среду так, что определённое поведение становится не обязательным, но необходимым [Rouvroy, Burns, 2013]. Цифровой субъект функционирует в модусе «как если бы»: система действует так, как если бы предсказанное будущее уже наступило, и тем самым активно способствует его актуализации.

Первое и наиболее интуитивное предположение, которое может возникнуть при столкновении с феноменом цифрового субъекта, состоит в том, чтобы рассматривать его как репрезентацию реального, живого человека. Согласно этой логике, данные, собранные о пользователе, являются знаками, отсылающими к некоторому оригиналу, его личности и задача алгоритмов заключается в том, чтобы как можно точнее этот оригинал «отобразить». Такое понимание имплицитно присутствует в повседневном дискурсе о «цифровом следе», «цифровой тени» или «цифровом двойнике», а также в правовых концепциях защиты персональных данных, где данные рассматриваются как продолжение личности пользователя. Однако, анализ, опирающийся на описанные выше механизмы алгоритмической правительности, заставляет решительно отвергнуть репрезентационистскую трактовку. Цифровой субъект не отражает реального человека, но конструирует его вероятностное будущее.

Ключевое различие проходит по темпоральной оси. Репрезентация, даже самая динамичная, всегда имеет дело с тем, что уже есть или было. Она фиксирует наличное состояние объекта. Цифровой же субъект, как подчёркивает Рувруа, ориентирован на ещё-не-случившееся. Он представляет собой «спекулятивное пространство», в котором алгоритмическое видение

«действует в упреждающем режиме на то, что тела могут сделать» [Rouvroy, Burns, 2013]. Это не изображение настоящего, а пре-актуализация будущего. Более того, как было показано выше, процесс производства цифрового субъекта включает в себя стадию радикального очищения от контекста и смысла. Сырые данные, из которых он строится это сигналы, лишённые всякого присущего им значения. Они не несут в себе никакой интенциональной связи с живым человеком, не выражают его само-понимания или нарративной идентичности. Данные ничего не говорят обо мне как о сингулярном, рефлексиирующем существе, но лишь о моём месте в распределении поведенческих вероятностей. Следовательно, категория репрезентации, предполагающая отношение подобия или отсылки к оригиналу, здесь неприменима.

Если цифровой субъект не является репрезентацией, то, возможно, его следует мыслить, как симулякр, копию без оригинала, знак, за которым не стоит никакой реальности? Действительно, концепция симулякра, разработанная в различных версиях от Платона до Бодрийяра, может показаться эвристически полезной для описания цифрового двойника. Ведь он, казалось бы, полностью автономен от своего «оригинала»: его существование и функционирование не требуют верификации со стороны живого человека, он циркулирует в замкнутой системе цифровых потоков, подчиняясь собственной логике. Тем не менее, отождествление цифрового субъекта с симулякром было бы онтологически неточным и упускало бы из виду его важнейшую характеристику. Классический симулякр, особенно в его бодрийяровском понимании гиперреальности, замещает реальность, создавая иллюзию присутствия там, где оригинал отсутствует или вовсе не существовал [12, с. 21]. Он принадлежит к порядку знаков и образов. Цифровой же субъект, напротив, не замещает живого человека в символическом пространстве, но реально воздействует на условия его физического и социального существования. Цифровой субъект — это не статичный профиль, а «прагматическая алгоритмическая интерпретация», которая важна именно в момент, когда данные «могут быть использованы, проданы или иным образом задействованы» [Rouvroy, Burns, 2013]. Он не симулирует реальность, но активно участвует в её формировании, ограничивая или расширяя поле возможных действий живого человека. Поэтому онтологически это не симулякр, а скорее действенная абстракция, материализованная в алгоритмических решениях.

Наиболее адекватным способом схватить специфический онтологический статус цифрового субъекта является, на наш взгляд, его характеристика через модус «как если бы» (as if) и связанную с ним операцию нейтрализации. Алгоритмическая правительность, как убедительно показывает Рувруа, функционирует не путём нормализации (формирования субъекта через интернализацию нормы), а путём нейтрализации — превентивного устранения всего, что выходит за рамки статистически ожидаемого [Rouvroy, Burns, 2013]. Если дисциплинарная власть действовала через структурирование поля возможностей, то алгоритмическая власть стремится замкнуть само поле возможного на единственном, наиболее вероятном сценарии. Цифровой субъект и есть тот инструмент, посредством которого это замыкание осуществляется. Он представляет собой не образ будущего, а уже-начавшее-сбываться будущее. Как пишет Рувруа, алгоритмическая правительность «уже актуализирует то, что существует лишь в виртуальной реальности» [Rouvroy, Burns, 2013]. Таким образом, онтологически цифровой субъект существует в модусе пре-актуализации. Он не просто описывает или предсказывает; он пред-писывает и пред-определяет, сужая горизонт возможного до горизонта вероятного. Это не виртуальная возможность, которая может реализоваться, а может и нет. Это навязываемая необходимость, которая стремится устранить саму дистанцию между возможным и действительным. В пределе алгоритмическая правительность направлена на «нейтрализацию

избытка возможного над вероятным» [Rouvroy, Burns, 2013]. Именно в этой способности к превентивному замыканию будущего и заключается онтологическая новизна цифрового субъекта. Его появление знаменует собой не просто добавление ещё одного слоя к человеческому существованию, но фундаментальное расщепление самого способа бытия человека в цифровую эпоху. Мы более не являемся единственными носителями нашей субъектности. Наряду с нашим живым, телесным, рефлексивным «я» возникает второе, цифровое тело, которое, будучи абстрактным и нематериальным, тем не менее, обладает реальной агентностью в мире социальных и экономических отношений.

Это цифровое тело не является ни нашей собственностью (мы не контролируем его производство и циркуляцию), ни нашим отчуждённым образом (оно не репрезентирует нас), ни чистой фикцией (оно производит реальные эффекты). Оно есть аспект нашего гибридного бытия, который мы не можем ни полностью присвоить, ни полностью отвергнуть. Человек одновременно и является, и не является этим цифровым субъектом. Человек обнаруживает себя удвоенным, причём его цифровой двойник (*digital doppelganger*) всё чаще оказывается впереди, пред-определяя горизонт возможностей раньше, чем он сам успевает это осознать.

Заключение

В этом смысле онтология цифровой эпохи — это онтология гибридного расщепления. Человек больше не может быть помыслен как целостный, самотождественный субъект. Его бытие распределено между живым телом и цифровым телом, между сферой интенционального опыта и сферой автоматизированных корреляций потоков данных. Цифровой субъект, таким образом, есть не внешняя угроза и не технологический артефакт, но конститутивный элемент современного человеческого существования, та его часть, которая отчуждена в цифровое пространство, но продолжает активно действовать на своего живого «носителя». Осознание этого онтологического расщепления является необходимым условием для любой последующей рефлексии: этической, политической или экзистенциальной.

Библиография

1. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. — М.: Праксис, 2006. — Ч. 3. — 320 с.
2. Floridi L. The Onlife Manifesto. Being Human in a Hyperconnected Era / L. Floridi. — Springer International Publishing, 2015. — 264 p.
3. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках и другие философские работы / Р. Декарт. — М.: Академический Проект, 2020. — 335 с.
4. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант — М.: Наука, 1999. - 655 с.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. — М.: «Ад Маргинем Пресс», 1999. — 480 с.
6. Patton P. Technology (of Discipline, Governmentality, and Ethics) / The Cambridge Foucault Lexicon / P. Patton. — NY: Cambridge University Press, 2014. — 741 p.
7. Фуко М. Рождение биополитики // М. Фуко. — СПб.: Наука, 2010. — 225 с.
8. Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году / М. Фуко. — СПб.: Наука, 2005. — 312 с.
9. Dorrestijn S. Technical Mediation and Subjectivation: Tracing and Extending Foucault's // S. Dorrestijn — Philosophy of Technology. Philosophy & Technology — 2012 — № 25(2) — pp.221–241
10. Goriunova O. The Digital Subject: People as Data as Persons // O/Goriunova. — Theory, Culture & Society — № 36 (6) — pp.125–145.
11. Rouvroy A., Thomas B. Algorithmic Governmentality and Prospects of Emancipation: Disparateness as a Precondition for Individuation through Relationships? // A. Rouvroy, B. Thomas — *Réseaux* — 2013 - № 177 (1) — pp. 163–96.

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.cairn-int.info/revue-reseaux-2013-1-page-163.htm> (дата обращения: 28.04.2026).

12. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. — 240 с.

Digital Subject as Pre-Actualization: An Ontological Analysis from the Perspective of Algorithmic Governmentality

Oleg V. Tikhonov

PhD in Philosophy,
Senior Lecturer, Department of General Philosophy,
Kazan (Volga region) Federal University,
420008, 35, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: hlgw23@gmail.com

Pavel S. Vavilov

PhD in Philosophy,
Senior Lecturer, Department of Social Philosophy,
Kazan (Volga region) Federal University,
420008, 35, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: pasvavilov@kpfu.ru

Abstract

The article is devoted to an ontological analysis of the phenomenon of the digital subject that emerges under conditions of the total datafication of everyday life. Drawing on the conceptual apparatus of Michel Foucault (power-knowledge, technologies of subjectivation) and a hybrid approach to the human and technology (L. Floridi, S. Dorresteyn, O. Goryunova), the author examines the digital subject as a product of a specific regime of governance — algorithmic governmentality (A. Rouvroy, T. Berns). The work demonstrates that the digital subject is neither a representation of a living person nor a simulacrum in the Baudrillardian sense. Through a consistent critique of representationalism and the concept of the simulacrum, the thesis is substantiated that the ontological status of the digital subject is most accurately captured through the modus of "as if" and the operation of pre-actualization: it is an effective abstraction that does not reflect the present, but pre-determines and closes off the future, neutralizing the gap between the possible and the probable. Consequently, a conclusion is drawn about a fundamental ontological splitting of human being in the digital age — the coexistence of the living, intentional subject and his/her digital body, which possesses real agency and increasingly anticipates its "bearer".

For citation

Tikhonov O.V., Vavilov P.S. (2026) Tsifrovoy sub"yekt kak pre-aktualizatsiya: ontologicheskii analiz v perspective algoritmicheskoy pravitel'nosti [Digital Subject as Pre-Actualization: An Ontological Analysis from the Perspective of Algorithmic Governmentality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (2A), pp. 133-142. DOI: 10.34670/AR.2026.28.85.004

Keywords

Digital subject, algorithmic governmentality, hybrid ontology, power-knowledge, splitting of the subject.

References

1. The Digital Subject as Pre-Actualization: An Ontological Analysis in the Perspective of Algorithmic Governmentality 1. Foucault, M. *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews* / M. Foucault. Moscow: Praxis, 2006. - Part 3. - 320 p.
2. Floridi, L. *The Onlife Manifesto. Being Human in a Hyperconnected Era* / L. Floridi. - Springer International Publishing, 2015. - 264 p.
3. Descartes, R. *Discourse on the Method of Rightly Directing Reason and Finding Truth in the Sciences and Other Philosophical Works* / R. Descartes. Moscow: Academic Project, 2020. - 335 p.
4. Kant, I. *Critique of Pure Reason* / I. Kant. Moscow: Nauka, 1999. - 655 p.
5. Foucault M. *Discipline and Punish. The Birth of the Prison* / M. Foucault. Moscow: Ad Marginem Press, 1999. - 480 p.
6. Patton P. *Technology (of Discipline, Governmentality, and Ethics)* / *The Cambridge Foucault Lexicon* / P. Patton. - NY: Cambridge University Press, 2014. - 741 p.
7. Foucault M. *The Birth of Biopolitics* // M. Foucault. St. Petersburg: Nauka, 2010. - 225 p.
8. Foucault M. *It is Necessary to Defend Society. A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1975-1976 Academic Year* // M. Foucault. St. Petersburg: Nauka, 2005. - 312 p.
9. Dorrestijn S. *Technical Mediation and Subjectivation: Tracing and Extending Foucault's* // S. Dorrestijn - *Philosophy of Technology. Philosophy & Technology* - 2012 - No. 25(2) - pp.221-241
10. Goriunova O. *The Digital Subject: People as Data as Persons* // O/ Goriunova. - *Theory, Culture & Society* - No. 36 (6) - pp.125-145.
11. Rouvroy A., Burns T. *Algorithmic Governmentality and Prospects of Emancipation: Disparateness as a Precondition for Individuation through Relationships?"* // A. Rouvroy, V. Thomas - *Réseaux* - 2013 - No. 177 (1) - pp. 163-96. [Electronic resource]. URL: <https://www.cairn-int.info/revue-reseaux-2013-1-page-163.htm> (accessed: 28.04.2026).
12. Baudrillard J. *Simulacra and Simulations* / J. Baudrillard. - Moscow: Publishing House "POSTUM", 2015. - 240 p.